Давным-давно, когда звери умели говорить, Нонгвена-хамелеон смастерил улей, чтобы круглый год лакомиться медом. С трудом укрепил он этот улей на дереве и привязал толстыми лианами, чтобы его не повредили дикие звери или ветер, а потом спустился с дерева и, довольный собой, вернулся домой.

Прошло несколько дней. Хамелеон наведался в лес посмотреть, как обстоят дела, и, к своей радости, увидел, что в улье уже поселился большой пчелиный рой; пчелы усердно трудились, приготовляя сладкий, душистый мед.

Забыв обо всем на свете, Нонгвена любовался труженицами-пчелами: одни возвращались, неся в хоботке пыльцу, другие вылетали из улья, чтобы ее собрать. Долго смотрел на них хамелеон, пока у него в глазах не зарябило, и тогда он отправился восвояси. С тех пор всякий раз, проходя мимо дерева, он присаживался поблизости — понаблюдать за работой пчел.

Прошло три месяца, срок достаточный, чтобы соты наполнились медом, и Нонгвена решил, что пора доставать мед. Он взял большой нож, корзинку и калебасу и направился в лес.

По дороге Нонгвена сорвал пучок сухой травы, свил из него тугой жгут, чтобы зажечь принесенной из дому головешкой и выкурить дымом пчел. Подойдя к дереву с ульем, он запалил жгут и начал карабкаться наверх. Добравшись до улья, он глазам своим не поверил: кто-то опередил его и забрал мед. Хамелеон ужасно огорчился и стал думать, как ему отыскать вора.

Мед был украден не весь, и Нонгвена понял, что вор не новичок в подобных делах и поймать его с поличным не так-то просто.

Спустившись с дерева, хамелеон хорошенько все обдумал. Он сходил домой, запасся провизией на три-четыре дня и спрятался в дупле огромного дерева, откуда мог днем и ночью наблюдать за ульем.

В тот вечер и в ту ночь никто не появлялся. На следующий день тоже никто не пришел, и Нонгвена даже стал опасаться, уж не предупредил ли кто вора. Но на рассвете третьего дня хамелеон увидел, как по дереву проворно взбирается древесная ящерица. Она сняла крышку улья, вынула соты и уселась лакомиться медом прямо на дереве — даже пчелиные укусы ей были нипочем.

Нонгвена слез с дерева и закричал:

— Так это ты воруешь мой мед?!

— И ты еще смеешь обвинять меня в воровстве? Ведь это же я построила улей! — накинулась на него ящерица Шиква Ша Мукала, прикидываясь обиженной.

— Как только у тебя язык поворачивается такое плести?! Неужели тебе не стыдно?!

— Вот наглец! — воскликнула ящерица, закрывая улей крышкой. Она слезла с дерева и напустилась на хамелеона: — Ты что это себе воображаешь? Если у тебя такие глаза, что каждый смотрит куда хочет, если ты, чуть что, меняешь цвет кожи, так, значит, ты умней всех?! Ну, не со мной тебе тягаться! Убирайся, пока цел!

— В жизни не видывал таких нахалок! — вскричал Нонгвена.—- Мало того, что ты стащила мой мед, так еще смеешь оскорблять меня! Я не стану унижаться и спорить с тобой! Да, у меня глаза не то что ваши, я могу одним глазом смотреть вправо, а другим назад! И бог Нзамби* не зря послал мне дар менять окраску! И ты завидуешь мне, потому что ты жалкое, презренное существо! Только и умеешь, что присваивать себе чужое добро да еще оскорблять законного владельца! Сейчас я созову всех зверей. И пускай самые умные, могущественные и благородные разрешат наш спор.

— Что ж, зови,— согласилась древесная ящерица, а сама знай обсасывает сладкие соты.

Хамелеон своей обычной неторопливой поступью направился в лес, а Шиква Ша

Мукала осталась на дереве лакомиться сотами.

Вскоре на поляне начали собираться звери, чтобы принять участие в судилище. Один за другим подходили они и рассаживались вокруг дерева, где сидела Шиква Ша Мукала, а та преспокойно продолжала есть и перестала, лишь когда вернулся Нонгвена в сопровождении льва, слона, леопарда, пантеры, бегемота и антилопы.
Увидя царя зверей и могущественных правителей лесного царства, ящерица слезла с дерева. Все разговоры вокруг сразу прекратились.

Лев был назначен председателем суда, слон и бегемот — его помощниками; присяжными заседателями выбрали леопарда, пантеру, крокодила, змею, носорога, дикобраза. Нонгвена предупредил, что дело предстоит разбирать серьезное: речь идет не только о краже, но и об оскорблении достоинства. Нонгвена и ящерица Шиква Ша Мукала сидели перед судьями, за ними полукругом расположились остальные звери, а птицы усеяли ветви ближайших деревьев.

Лев подозвал антилопу и велел ей допросить сначала Нонгве-ну, а затем Шикву Ша Мукалу, чтобы разобраться, кто же из них прав.

Антилопа подошла к хамелеону и спросила:

— В чем ты обвиняешь древесную ящерицу?

— Я вам уже сказал, что построил улей, вот он висит на ветвях,— начал хамелеон, указывая в сторону дерева.— Приладил я его на дереве, а сам вернулся домой обождать, пока там поселится пчелиный рой. Уж так я обрадовался, увидев, что в улье пчелы, просто и сказать не могу. Месяца три я прождал, прежде чем решился взять меду поесть да приготовить хмельного, как у нас все делают.

— Да, все мы так делаем! —хором закричали звери.

— Что за шум! Замолчите сейчас же! —- рыкнул на них лев. И, обращаясь к хамелеону, сказал: — Продолжай свой рассказ, благородный господин!

— Продолжаю, благородный господин и повелитель,— ответил хамелеон.— Когда наконец я надумал заглянуть в улей, меда там почти не осталось, и тогда я спрятался вот в этом дупле,— он указал на дерево неподалеку от улья,— чтобы подкараулить вора.

— И подкараулил? —спросила антилопа.

— Как видите,— кивнул хамелеон в сторону ящерицы. Пока хамелеон рассказывал, Шиква Ша Мукала хранила молчание, но, почувствовав, что все ее осуждают, она заговорила:

— Дело было вовсе не так. И никакая я не воровка. Улей-то мой!
Свидетелей ни у хамелеона, ни у ящерицы не нашлось. Никто не видел, как строился улей, и после разъяснения ящерицы все призадумались. Члены суда вполголоса посовещались между собой и решили прибегнуть к хитрости. И вот слон сказал Шикве Ша Мукале:

— Ты утверждаешь, что улей твой. Тогда покажи нам, как ты укрепляла его на дереве.

Проворная ящерица, не раздумывая, схватила палку, словно это был улей, и в одно мгновение взобралась на дерево. Ей и в голову не пришло, что таким образом никогда бы не удалось втащить улей наверх: слишком он тяжелый.
Оказавшись наверху, Шиква Ша Мукала неуверенно пробормотала:

— Вот так я втащила улей.

— Спускайся, мы уже насмотрелись на твою ловкость,— насмешливо заметил слон. И, подмигнув Нонгвене, попросил хамелеона: — Не покажешь ли, как ты взобрался и установил на дереве улей?

Со свойственной ему неторопливостью хамелеон привязал за один конец веревки палку, как если бы это был улей, и начал карабкаться по стволу, держа в зубах свободный конец веревки. Так он переставлял сначала одну, потом другую ногу, пока не достиг вершины. Очутившись наверху, Нонгвена подтянул палку, прикрепил ее к ветке и вздохнул:

— Вот так я взобрался на дерево и поднял улей.

— Ты говоришь правду. Улей твой. Шиква Ша Мукала — лгунья и обманщица! — в один голос воскликнули лев и другие члены почтенного суда, а за ними и остальные звери и птицы, присутствовавшие на судилище.

— Спускайся с дерева, господин,— сказал лев.
С неизменным своим спокойствием и медлительностью Нонгвена спустился по стволу и уселся напротив обвиняемой. Ящерица не знала, куда деваться от стыда: все смотрели на нее с осуждением.

После совещания со слоном, бегемотом и другими членами суда лев заявил:

— Суд считает доказанным, что Шиква Ша Мукала виновна, и я, как верховный судья, выношу следующий приговор: установлено, что улей принадлежит хамелеону Нонгвене, а не Шикве Ша Мукале. Древесная ящерица Шиква Ша Мукала приговаривается к штрафу за воровство. В возмещение причиненного ущерба она должна отдать Нонгвене в нашем присутствии три козы. Суд предупреждает ее, что за повторное преступление она поплатится головой.
При этих словах ящерица задрожала от страха; она тут же привела трех коз и при свидетелях отдала их Нонгвене.

С тех пор древесная ящерица всегда сторонится обитателей леса — торопится пробежать мимо, ни на кого не глядя, потому что ей до сих пор стыдно, а хамелеон ходит не спеша и смотрит всем прямо в глаза: ведь он не вор и не лжец.